

Данный материал является интеллектуальной собственностью telegram-канала

Гильдии Переводчиков

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Корректоры:

– Михаил Петров

– Диоген

– Лотара

ОБСИДИАН ДЭВИД АННАНДЕЙЛ

«В Нуламии это была далеко не первая свадьба, которой предшествует убийство», – подумала Карья Тревейн.

Она стояла рядом с Эвередом Халорехтом в нефе Великой Часовни Ночного Голода, оглядываясь на главный вход. Здание пустовало, а в похожем на пещеру зале, что способен вместить тысячи людей, они были в полном одиночестве. В зале, что посещало Нуламинское сообщество ради поклонения Нагашу и для утоления своих хищных нужд, что были ценой для посмертного существования...

Великая Часовня строилась вокруг окаменелой грудной клетки древнего Левиафана, убитого Нагашем на заре Эры Мифов, поэтому стены Собора сначала изгибались наружу, а затем, образуя купол здания, снова внутрь. Пространство между ребер заполняли монолитные обсидиановые плиты, а рядом, примыкая к куполу, стояла высокая башня, вырезанная из ног чудовища. Венчал её устремленный в небо шпиль, изготовленный из когтя древнего монстра.

Символ хищного голода.

По центру под куполом висели два клыка длиной более пятнадцати метров каждый, а между ними виднелась решетка из костей поменьше, что удерживала множество запятнанных красным стеклом синего и зеленого цветов, за которыми горели сальные свечи. Их пламя наполняло пространство грудной клетки мягким светом алого оттенка, а отблески на стенах подчеркивали черноту окаменевших костей, делая ее еще глубже.

Если бы Карья была честна с собой, ей пришлось бы признать, что в общем-то это будет не первая свадьба, что свершится благодаря убийству – а честность была для нее делом принципа. В Нуламии она была дороже золота, и все же при каждой встрече с Эвередом ей приходилось прибегать к уловкам. Борясь с желанием открыться отцу и рассказать ему о своей любви, Карье приходилось таиться и скрываться. Трижды она врала о том, где была, и каждое из этих воспоминаний, словно гноящиеся раны на сердце, приносили ей невыносимые страдания, которые становились лишь хуже от того, что её отец, лорд Ворст Тревейн, ей верил. А верил он, потому что не сомневался в ее честности и не мог вообразить себе другого...

«Ты, – сказал он ей однажды, – «ты – воплощение того, чем мне никогда не доставало сил стать. Избранный тобой путь труден. Он идет вразрез со всем, что создала наша Королева. Я боюсь за тебя. Но ты подарила мне надежду, и за это я буду вечно благодарен и горд. Твоя мать была бы счастлива...».

– Как ты думаешь, она согласится? – прошептал Эверед, выдергивая Карью из воспоминаний и захлестнувшего чувства вины.

– Мы можем только надеяться, – ответила Карья, взглянув на него. Пальцы их рук встретились и переплелись.

– Надежда, – повторил Эверед, улыбнувшись. – Я обрел ее. Ты научила меня этому. Ты показала мне, что она существует, и насколько она сильна.

Разносящееся от их приглушенных голосов свистящие эхо казалось слишком громким, и поэтому, обнявшись, они нежно поцеловались, бережно укутав друг друга спасительной тишиной.

Надежда. Сейчас Карья надеялась, что Мортарх Крови примет их с Эвередом просьбу, однако, не было никаких гарантий, что она даже просто встретится с ними, не говоря уже о том, чтобы дать свое благословение. Существовало множество причин, по которым Неферата могла не позволить случиться союзу домов Тревейн и Халорехт. Карья не была наивной. В попытках неукоснительно следовать своим строгим принципам честности, ей пришлось выработать четкое понимание всех политических реалий. Нет, это не первая свадьба, которая была следствием предшествующего ей убийства. Но она понимала, что если грозная царица позволит всему произойти, то и об убийстве, ведущем к этому союзу, и о самом союзе будет говорить вся Нуламия, а то и вся Нефератия.

Карья и Эверед пришли, чтобы форсировать события.

В одном из круглых склепов, которые, словно окаменевшие опухоли, выросли в стены головного зала, лежало тело верховного советника дома Тревейн – Торула. Когда Карья прознала, что Неферата собирается лично проститься с убитым лордом вампиров, то сразу решила встретиться с Мортархом, и, наконец, решить свою судьбу. Никто не знал, когда Неферата собирается прибыть в Великую Часовню, и поэтому Карья пришла к телу, как только ее отец отдал последние почести и удалился. Здесь, встретившись с Эвередом, они стали ждать.

Неподвижные, они выжидали в центре нефа вот уже пять часов, но никто не появлялся. Карье казалось, что ее заманили в ловушку, пригвоздили кинжалом ожидания к плахе в этих огромных, безмолвно осуждающих нависших над ней казематах церковного зала из кости и обсидиана.

– Поверит ли она в нас?.. – спросил вслух Эверед.

– Да, – ответила Карья. – Я не сомневаюсь. Она поймет.

Тогда это докажет, что Карья ориентируется в политических тонкостях, может в них разобраться и обернуть себе на пользу.

С заунывным стоном петель распахнулись огромные железные двери, и по залу Великой Часовни предсмертным хрипом огромного зверя прокатилось раскатистое эхо, многократно отраженное от стен. Облаченные в длинные черные платья, в залу вошли Неферата и сопровождающая ее леди Меренет. В одеяния Нефераты были вплетены серебряные нити, что вспыхивали в свете канделябра, напоминая отблески стали, появляясь и исчезая в ответ на каждое движение королевы.

«Свет, скрывающийся во тьме», – невольно пришло в голову Карье. Платье Меренет было отделано насыщенным алым, контрастирующим с сиянием и одновременно подчеркивающим темный наряд ее госпожи.

Приблизившись, Неферата и ее подданная заметили Карью и Эвереду. Взгляд Меренет был холодным, пустым и непроницаемым. На лице Нефераты застыла легкая властная улыбка. Ее глаза удивленно сузились, и решимость Карьи испарилась. Чем ближе подходила Неферата, тем сильнее Карья чувствовала себя ничтожной перед аурой величия, окружающей королеву. Казалось, присутствие Нефераты переполняет Великую Часовню, и монолитное строение вот-вот рухнет, пытаясь удержать ее.

Королева была древнее Левиафана и намного могущественнее, чем этот зверь когда-либо был при жизни. Карья была недостойна даже крупницы внимания столь великого существа, но все же она осмелилась привлечь его к себе, встав на пути королевы.

Она поняла, что им очень повезет, если их не испепелят на месте. Просить большего было крайне глупо и самонадеянно, и все же она собрала всю свою слабеющую решимость, чтобы сделать именно это. Эверед застыл подле нее, едва сдерживая дрожь.

По легкому кивку Нефераты Меренет отвернула от пары и прошелестела мимо, направляясь к склепу, где лежал Терул. Мортарх остановилась перед Карьей и Эвередом, и ее улыбка совершенно незаметно стала слегка шире. Губы цвета артериальной крови горели на бледном, словно замерзшем насмерть, совершенном лице королевы.

– Тревейн и Халорехт... бок о бок, – обратилась к ним Неферата. – Сомневаюсь, что сегодня увижу что-либо удивительнее этого. Объясните мне, как такое могло случиться?

Карья не сомневалась, что Неферата знает ответ на свой вопрос. Девушка чувствовала, как пристальный взор королевы открывает ее самые сокровенные тайны. И все же ее спросили, и она заговорила – честно и с гордостью.

– Мы обещаны друг другу, – ответила Карья. – И мы просим Вашего благословения на этот союз.

Неферата рассмеялась. Ее смех, словно серебристые колокольчики, наполняли сердце Карьи любовью и жгучей потребностью угодить своему правителю. Однако эхо смеха отдалось от стен грохотом захлопнувшейся крышки гроба, и Карью пронзил страх.

– Так вот значит что, – с ноткой веселья процедила Неферата. – После столетий вражды два великих дома объединяет любовь их наследников. Вот бедняжки. Вы оба определенно достойны быть воспетыми в поэме! Расскажите же мне больше, порауйте меня... Почему именно сейчас? Карья Тревейн, как такое вообще возможно, чтобы убийство правой руки твоего отца привело не к еще большему кровопролитию, но к примирению?

– Смерть советника Терула может только усугубить ситуацию, и именно поэтому мы должны действовать прямо сейчас, – ответил Эверед.

Один короткий миг Неферата рассматривала Эвереда, а затем снова обратила свое внимание к Карье.

– А Терул одобрил ваш союз?

– Он ничего не знал. – ответила Карья, взглянув на Эвереда. – Он бы посоветовал моему отцу не допустить этого. Мне кажется, что без него будет намного проще убедить моего отца. Конечно, в случае, если мы получим Ваше благословение.

Неферата снова рассмеялась.

– Несложно догадаться – сказала она. – Настолько же очевидно, насколько и верно... Нет, определенно не лезть. Но какая мне выгода от этого союза?

Карья не пыталась ей льстить. Все, что девушка говорила было правдой в которую она верила.

– Действуя как одно целое, дома Тревейн и Халорехт смогут служить Вашему Величеству с небывалой преданностью. Каждый наш шаг будет выражением благодарности. Клянусь Вам в этом.

– А что вы можете предложить в качестве подкрепления ваших слов? Домом Тревейн правит Ворст, а твой суженый так же бессилен, как и ты – или же Награ Халорехт передала всю власть своему сыну, и не поставила меня в известность?

Карья и Эверед склонили головы.

Воцарилась тишина, а затем, уже в третий раз, Неферата рассмеялась.

– Ваши ответы делают это союз все интереснее и удивительнее, – весело сказала она. – Вы меня порадовали, и я благословляю вас. Вы уже определились с местом, где будете праздновать ваше объединение?

– Здесь, – подняв голову, ответила Карья. – Обе наши семьи уже давно посещают Великую Часовню.

– Всецело одобряю. Ступайте же. Готовьтесь. Удивите Ворста Тревейна и Нагру Халорехт. Удивите Нуламию. Ибо я сделаю больше, чем просто благословляю ваш союз... Я лично буду присутствовать на церемонии.

– Объединенные Тревейны и Халорехты станут в разы опаснее, чем каждый из них сейчас по-отдельности, – сказала Меренет, когда Неферата присоединилась к ней в склепе. Голос главы шпионов не выражал радости.

– Ну разумеется, – ответила Неферата. – Однако нейтрализовать эту опасность нужно не прямым противостоянием.

Округлый склеп освещался единственным источником света – арочным проемом, сквозь который просачивался мрачный красный свет из главной залы. Стены, имитируя гигантскую грудную клетку Великой Часовни, выгибались наружу. Неферата обошла помост с телом Тербула. Между его головой и телом была щель в несколько сантиметров. Шеи попросту не было. Тот, кто убил его, постарался нанести как можно больше повреждений, чтобы было невозможно что-либо выяснить.

– Тербул когда-либо упоминал о романе? – спросила Неферата. Пока эти семьи воевали, ей не приходилось уделять им много внимания. Плюс главный советник Ворста Тревейна был ее шпионом. Пока он занимал свой пост, она позволяла событиям развиваться своим чередом, и не планировала вмешиваться до тех пор, пока насилие между семьями не начало бы доставлять ей неудобства. Мир между ними был невозможен. Но ситуация изменилась, и теперь требовала ее внимания.

– Не думаю, что он был в курсе, – ответила Меренет. – По крайней мере, не был точно уверен в нем. Он сообщал, что Ворст обеспокоен поведением дочери, но, похоже, ему и в голову не приходило, что она влюбилась в Эверета Халорехта.

– И оба они единственные наследники... – задумчиво протянула Неферата.

Как и многие из вампирской знати, роды Тревейн и Халорехт на протяжении веков обеспечили свою семью достаточным количеством смертных, чтобы

поддерживать родословную через прямое обращение. Первенцы в каждом поколении получали проклятие вампирского бессмертия и теряли свою душу. Награ Халорехт и Ворст Тревейн утратили своих супругов вскоре после рождения Эвереда и Карья, и теперь никто из них не стремился произвести на свет новых отпрысков. Ворст силен, и пройдет еще не одно тысячелетие, прежде чем Карья возглавит свой дом. А вот Награ казалась более слабой. Терул подозревал, что Тревейны нашли способ подточить ее бессмертие ядами, но убийца заставил его замолчать до того, как он сумел найти доказательства.

– Смерть Терула удобна этому союзу, – продолжила Неферата. – Карья открыто признает это. Известно ли нам, где она находилась в момент убийства?

– На балу-маскараде, устроенном домом Фолькрич, – ответила Меренет. – Вы думаете, это она организовала убийство?

Неферата на мгновение задумалась, а затем покачала головой.

– Она слишком юна... и искренна. И если бы желала смерти Терулу, то, я думаю, могла убить его сама, а затем призналась. Нет, этот союз выгоден кому-то еще.

– Итак, вопрос в том, убили ли Терула потому, что он выступал против союза, или же потому, что он был нашим шпионом, – задумчиво проговорила Меренет.

– Мы будем действовать исходя из предположения, что оба суждения верны. Вера в совпадения – это путь к поражению. Они уже подготовили сцену для нас, а мы примем все необходимые меры. А затем позволим представлению продолжиться, и игроки сами раскроют себя...

На расстоянии шести метров от пола по всей окружности стен Великой Часовни тянулась галерея, по которой в одиночестве шествовала Неферата. Не отрывая взор от собравшейся внизу толпы, она то показывалась, то скрывалась из виду, переходя от арки к арке.

В ночь бракосочетания Великий Собор был полон народу. Зал заполнили Тревейны и Халорехты, а также их многочисленные союзники. Две армии собрались, чтобы засвидетельствовать столь спорный мирный договор, и теперь по обе стороны зала стояли сотни солдат. Любопытствующих было еще больше, они исчислялись тысячами. Жажда власти и знаний в помещении были настолько сильны, что в воздухе повисло почти осязаемое напряжение.

Стены украшали цвета обоих домов. Знамена Тревейнов представляли собой обсидианово-черные полотна с золотыми прожилками. Знамена Халорехтов – алые, с черной отделкой. Казалось, они прекрасно сочетаются и дополняют друг друга.

«Интересно, видят ли влюбленные доброе предзнаменование в гармонии цветов своих домов?», – подумала про себя Неферата.

Сама она не обращала внимания на подобные предрассудки. Церемония продолжалась, и королева видела лишь обряд, который был результатом тщательного и длительного планирования и скрытой подготовки.

В центре нефа Карья и Эверед, окруженные своими семьями, стояли лицом друг к другу, и внимали словам древнего некроманта Альвараса. Редкие пряди волос на

желто-сером черепе Альвараса, словно змеевидный ореол, плавали в неподвижном воздухе часовни. Сочетающихся окружали церемониальные слуги, которые держали золотые цепи, прикрепленные к ошейникам смиренных смертных из каждого дома. Когда церемония подошла к концу, Неферата внимательно оглядела глав домов. Колдовскому взгляду королевы были заметны даже малейшие изменения выражения их лиц. Награ выглядела еще более хрупкой с тех пор, когда Неферата видела ее в последний раз. Матриарх Халорехтов сгорбилась, а кожу ее лица покрывали многочисленные морщины. Она то и дело хмурилась, а глаза ее слезились, как будто она постоянно пыталась сфокусировать зрение на происходящем перед ней действе. Ворст Тревейн, напротив, выглядел куда более веселым: его лицо ничего не выражало, но Неферата не заметила и тени беспокойства, когда его единственная наследница произнесла клятву сыну его врагов. Остальные члены семьи казались более встревоженными, чем Ворст. Выражения их лиц были такими же, как у Нагры и других Халорехтов. По всей видимости, существовало не так много людей, что считали этот союз выгодным.

– И пусть две реки крови сольются воедино, – нараспев произнес Альварас. Он жестом подозвал слуг, и те потащили пленных смертных вперед. Подводя жертв, они расстегнули им ошейники, продолжая удерживать их за плечи. Альварас поклонился Карье и Эвереду, а затем элегантно выбросил правую руку вперед. Длинный заостренный ноготь на среднем пальце рассек яремные вены смертных. Каждый шаг ритуала был хорошо известен и уже много раз отрепетирован участниками, и, прежде чем первая струя крови успела коснуться земли, пара уже прижала свои рты к шеем рабов из семьи своего суженого. Тревейн жадно пила кровь Халорехтов, а Халорехт испил кровь Тревейна. Завершая жертвоприношение, они осушили тела, оставив бескровные оболочки, и повернули головы.

Взявшись за руки, влюбленные отошли от тел и встали перед Альварасом. Он коснулся их лбов своим испачканным в крови пальцем.

– Итак, двое стали одним, – сказал он голосом, подобным скрежету песка по кости. – Работа в этот торжественный день завершена.

«Нет», – подумала про себя Неферата. – «Все только начинается...».

Все еще ощущая вкус смертного Халорехта, Карья подняла глаза, чтобы увидеть Неферату, смотрящую на нее сверху вниз. С самого начала церемонии королева едва видимой тенью в развевающихся алых одеждах, что наблюдала, кружа по часовне. Теперь, когда она остановилась, Карья увидела, что ее руки были облачены во что-то, похожее на тяжелый доспех. Девушке показалось, что королева одета хоть торжественно, но все же готовой к бою. Впрочем, Карью это успокоило: одеяния Нефераты подчеркивали тот риск, что сопутствовал этому союзу. Девушка и сама с удовольствием надела бы что-либо более защищенное, но, к сожалению, ее и Эверед церемониальные робы не могли скрыть под собой доспех, один вид которого гарантированно спровоцировал бы насилие. Поэтому уповать оставалось только на надежду, и она верила, что этого будет достаточно.

Боковым зрением Карья уловила какое-то движение слева. Она обернулась как раз вовремя, что увидеть, как в горло Нагры Халорехт вонзилось серебряное лезвие. Мать Эверед открыла рот в беззвучном агонизирующем крике. С губ ее хлынула темная как ночь кровь, а кожа рассыпалась словно пересушенный пергамент. Темную фигуру позади нее надежно скрывал плащ с капюшоном, и казалось, что меч движется по собственной воле. В то время как Карья, все еще находясь в шоке, пыталась осознать происходящее, лезвие, выйдя из шеи Нагры, поднялось в сторону, чтобы затем полоснуть Матриарха по шее сбоку. Голова оторвалась от тела и покатилась к ногам сына.

В тот же момент из толпы справа от Карьи выскочила еще одна фигура. Она была закутана, как и первая, но, несмотря на испуг, Карье удалось заметить, что ее одежда слегка отличается по стилю, и более плотно облегает конечности. Она все поняла. И хотя ее парализовало ужасом и удивлением, девушка осознала, что нападавшие были из разных семей. Они не работали вместе. Второй отреагировал на действия первого.

Убийца поднял меч и направил его в сердце Карьи. Она сделала неуверенный шаг назад... Эверед бросился на убийцу, и одновременно с этим клинок метнулся вперед.

– *Эверед!* – закричала Карья в тот момент, когда убийца пронзил его грудь клинком. Руки возлюбленного сомкнулись на рукояти, воспротивившись неизбежному, но безжизненно соскользнули, когда тело его обмякло и опустилось вниз.

Первый убийца бросился на второго. Прежде чем толпа успела отреагировать, их клинки успели один раз скреститься. Зрители вышли из оцепенения, и теперь, испуганно крича, бросились к дверям, отчаянно пытаясь избежать надвигающегося насилия. Центр нефа забурился яростью. Семьи Тревейн и Халорехт, их союзники и вассалы, взревев от гнева, бросились друг на друга. Декрет Нефераты запрещал приносить оружие в Великую Часовню этой ночью, но для сражения вампирам не нужна была сталь. Огромный зал, до этого освещаемый лишь тусклым багровым свечением костяного канделябра, озарился огненными вспышками заклинаний.

Карья упала на колени. Безумство бушующей вокруг битвы было для нее не более, чем фоновым гулом. Эверед покоился на ее руках. Потускневшие глаза невидящим взглядом смотрели в пустоту. Из открытого рта мимо клыков, вниз по подбородку, стекала струйка его собственной крови. Карья звала возлюбленного снова и снова, раскачивая тело и умоляя вернуться. Голова его матери лежала всего в паре метров от нее. Плоть рассыпалась в прах. Все, что осталось – древний череп, да растрепанные пряди седых волос. Нагре было уже много веков, и время поспешило взять свое после ее смерти. Эверед не рассыпался. Как и Карья, он был по-настоящему молод. Их обратили в вампиров всего несколько лет назад, и поэтому он лежал в луже своей крови, красивый и юный. Разложение коснется его черт, когда тому придет время.

Карья взвыла. Из-за нарастающего шума сражения, она не могла слышать свой собственный голос, и сила ее крика разрывала ей горло. Ее мечты и надежды пропали, их спалил вновь разожженный костер насилия. Вместо объединенной семьи вскоре не останется ни одной. Внутри величественного Великого Собора сгущалась тьма, пропитанная кровью. Карья снова закричала. Ей казалось, что она вот-вот ослепнет. Теперь перед ней не было ничего, никакого будущего, только бездна абсолютной тьмы.

Она рыдала, пока не задохнулась от горя и боли. Захлебываясь слезами, девушка согнулась над телом Эвереда. Вокруг них бушевало сражение, но бойцы, казалось, не обращали на них внимания. Убийцы лежали, растерзанные разъяренными членами семьи, которые теперь, в свою очередь, боролись за свое существование. Разбитая отчаянием, Карья отстраненно взирала на эту борьбу. Она не стала искать помощи у Нефераты. Развернувшаяся внутри собора бойня, не заслуживала ничего, кроме отвращения королевы. Апатия окутала Карью, и она раскрыла ей свои объятия. Теперь она станет её спутником навечно, пока кто-то из рода Халорехт не закончит работу второго убийцы.

Девушка верила в это всего несколько мгновений, пока, подняв голову, не стала искать среди толпы лицо своего отца. Но Ворста Тревейна нигде не было. Ни в гуще сражения, ни лежащего растерзанным на полу.

Карья нахмурилась. Апатия начала рассеиваться, и она поднялась на ноги. Медленно обернувшись, девушка начала искать его глазами. Было вполне возможно, что отец находится всего в нескольких ярдах от нее, и она просто его не замечает. Во вспышках колдовского огня и давящей тьме, она едва могла разглядеть окровавленные лица. И все же, побуждаемая инстинктами и растущим ужасом, продолжала оглядываться по сторонам.

Наконец Карья его увидела. Ему удалось пробраться сквозь толпу к дальней стене. Между нефом и дверями кипело настоящее сражение, и миновать его и не быть втянутым в мясорубку было невозможно. Однако, между нефом и входом в башню людей было меньше. Ворст преодолел короткий пролет лестницы и оказался на площадке со входом в башню. Остановившись перед открытой дверью, он окинул взглядом разворачивающуюся в зале бойню, и тогда его глаза, наконец, встретились с ее. Даже с такого расстояния, сквозь прорезаемый магическими снарядами мрак кровавого тумана, Карья ощутила бесстрастное презрение отца. Затем, повернувшись спиной к своей семье и ее врагам, он исчез в дверях.

Карья побежала следом. Нырнув в гущу сражения, она направилась напрямик к башне. Проносась по скользким от крови плитам, она лавировала между сражающимися, обтекая их подобно ветру. Когтистые руки хватали ее, раздирая одежду и плоть. При ее появлении к ней поворачивались рычащие и разъяренные лица, но она была слишком быстра, и им не удавалось поймать ее. Девушка взглянула в лицо предателя, и ярость придала ей сил.

Добежав до ступенек, она помчалась вверх по ним, пересекая дверной проем, а затем, не замедляя шага, поднялась по бесконечной винтовой лестнице башни. Апатия развеялась. Горе ее не исчезло и было сильно как никогда, но теперь в ней кипел гнев. Отец был в ответе за тот ужас, что творился внизу. И сейчас существование Карьи свелось к единственной цели. Она встретится с Ворстом лицом к лицу и потребует ответа. *Почему?* Если придется, Карья вырвет ответ из его горла собственными руками. *Почему?*

Почему?

Выбежав из арки на крышу башни, Карья резко остановилась. В десятке метров над ней, словно силуэт кинжала в ночи, возвышался когтистый шпиль. Ворст, облокотившись на парапет, стоял, повернувшись к ней спиной.

– Отец, – прохрипела она сорванным от криков голосом.

Ворст обернулся. Скрестив руки на груди, он смерил ее холодным взглядом.

– Что? – нетерпеливо рявкнул он.

Его гнев сбил ее с толку. Он смотрел на нее так, словно это она была повинна в резне внизу. Но девушка не поддалась страху и направилась к нему.

– Ответь мне, почему? – потребовала она. – Зачем ты это сделал?

Он фыркнул.

– Вы выполнили свою задачу, – ответил он. – А теперь вы бесполезны. У меня больше нет ни нужды, ни терпения мириться с вашими смехотворными претензиями на высокую мораль, – он сделал шаг назад и протянул правую руку. – Иди сюда, дочь. Позволь мне сбросить тебя с парапета.

Карья замерла.

– Ты будешь делать то, что тебе говорят, – прорычал Ворст.

Карья попятилась к двери.

– Я твой отец, – продолжал Ворст. – Ты обязана мне своим существованием, и поэтому я имею полное право распоряжаться твоей судьбой. – Его уверенность в праве собственности была столь сильна, а предательство столь хладнокровно, что произносимые им слова обретали ужасную и извращенную власть над ней.

– *Ты подчинишься*, – прошипел он.

Сказанное чудовищным образом сковало Карью. Она более не могла пошевелить ногами.

Ворст шагнул вперед, его рука изогнулась, как коготь, и потянулась, чтобы схватить ее.

– Я видел твое будущее, – прохрипел он. – Оно там, лежит уничтоженное на каменном полу. Так присоединись же к нему...

– Ты ошибаешься, – донеслось из-за спины Карьи. Это прозвучало от существа бесконечно более древнего и обладающего гораздо большим авторитетом, чем Ворст. Отец посмотрел мимо Карьи, и его глаза вспыхнули сначала от гнева, а затем от страха. Чары рассеялись, и Карья бросилась прочь. Не в силах оторвать взгляд от разворачивающегося противостояния, она присела на корточки у парапета.

Облаченная в кровь и ночь, в дверях стояла Неферата.

– Это твое будущее – пасть на каменный пол, – обратилась королева к Ворсту. – Твоя игра подошла к концу, как и твоя жизнь.

На долю секунды Карье показалось, что в своем высокомерии Ворст попытается сопротивляться, но он повернулся, чтобы убежать, несмотря на то, что бежать было некуда. Его взгляд упал на Карью, и лицо отца исказилось такой чистой и незамутненной ненавистью, что обожгло ее. В ужасе девушка закрыла лицо руками. Сквозь пальцы она видела, как он открыл рот, и сжалась, страшась проклятий, которые отец был готов на нее обрушить.

Такой возможности ему не представилось.

Карья увидела, что Неферата сделала дальше лишь потому, что величие королевы и грация ее движений требовали зрителя. И все же она двигалась с непостижимой скоростью, во много раз превышающей скорость молнии. Бросившись от двери вперед,

королева одним движением схватила Ворста за горло и подняла высоко над полом. Вытащив из складок платья кинжал Акмет-хар, королева перерезала Ворсту горло. Жест был настолько стремительным и неуловимым, что казался лишь плодом воображения. Но Ворст тут же содрогнулся. Кровь ручьями потекла по его телу. Небрежным движением руки, словно стряхивая пыль с рукава, Неферата перебросила его через парапет; раздавшийся через короткое время хруст костей хотя и был едва слышим, но навечно запечатлелся в сознании Карьи. На дрожащих ногах девушка подошла к Неферате, пока та посмотрела на расprostертое переломанное тело вниз.

– Он сделал это, – проговорила она. Озвучивание этой мысли помогало ей в этом увериться. – Он разрешил мой союз с Эвередом только чтобы уничтожить наши семьи. Почему? Я не понимаю.

– Жадность, – ответила Неферата. – Жажда власти настолько великая, что породила иллюзии. Твой отец верил, что, если принесет мне два дома и свою единственную дочь в жертву, это докажет его преданность, и я вознагражу его, – королева покачала головой. – Это не верность, но эгоизм и расточительство. А я не вознаграждаю ни за то, ни за другое, – Неферата улыбнулась Карье. – И он потерпел неудачу. Благодаря тебе дом Тревейн стоит, как и прежде.

– Нет, не стоит, – прошептала Карья. – Он на коленях пред Вами, моя Королева.

В подтверждение своих слов, она преклонила колени. Сердце ее горело благодарностью и любовью к Королеве, которая спасла ее. Карья снова увидела проблеск в своем существовании, и найдя цель, с жаром ухватила за нее.

– Теперь я не ищу ничего, кроме славы в служении Вам, – громко произнесла она.

– Тогда я довольна, – улыбнулась в ответ Неферата.

Спустя некоторое время Меренет присоединилась к Неферате на крыше. Вместе они наблюдали за одинокой фигурой Карьи, идущей через площадь прочь от Великой Часовни.

– Огонь, который питал в ней честность, теперь подогревает ее преданность мне, – сказала Неферата.

– У нее есть задатки отличного шпиона, – согласилась Меренет.

– Я уверена, что ты разовьешь ее потенциал.

Меренет склонила голову.

– Битва в Великой Часовне окончена, – помолчав, сказала она.

– Выжившие?

– Немного. Все вовлеченные семьи понесли большие потери.

Неферата удовлетворенно кивнула.

– Хорошо, – отобранные ею убийцы из дома Ворста хорошо сделали свою работу. Там, где ранее существовали два могущественных дома, лояльность которых вызывала сомнения, ныне остался один. Слабый, но безоговорочно преданный ей.

– Мне любопытно, – прервала молчание Меренет. – Как ты узнала, что Эверед пожертвует собой ради Карьи?

– Когда они просили моего благословения, я видела преданность в его глазах. Он был поглощен любовью к ней. Это сделало его совершенно предсказуемым...

– Терула убил Ворст? – спросила Меренет.

– Да. Союз двух домов позволил ему устроить эту бойню.

– Что ты сказала Карье о его мотивах?

– Истину. Что он верил, что этим заслужит мое расположение. Я просто не сказала, что поддерживала его в этом убеждении.

– Ты заполучила ее любовь, скрыв правду во тьме, – усмехнулась Меренет.

– Тьма – это ключ, Меренет. Вглядись в тени, где прячется твой враг, во тьму, что окутывает соперника и живет в сердце друга. Затем найди еще более глубокую тьму и используй ее, – Неферата улыбнулась, наслаждаясь ночью. – Всегда ищи тьму, – повторила она. – И всегда заходи глубже.

Она провела кончиками пальцев по парпету, наслаждаясь прикосновением холодного обсидиана.